УДК 323.21

ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАУДСОРСИНГА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ[1]

Горбунова Юлия Александровна,
Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры философии и акмеологии, кандидат философских наук, г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru

Симонова Ирина Александровна,
Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры философии и акмеологии, кандидат философских наук, г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: luboe05@mail.ru

Аннотация
В статье обосновывается необходимость перехода в осмыслении феномена политического краудсорсинга от технологического подхода к методологиям антропологической и социальной практик. Политический краудсорсинг представлен как практика становления гражданской идентичности и гражданской субъектности, что обуславливает пересмотр подходов к реализации крауд-проектов в политическом пространстве современной России.

Ключевые понятия:
политический краудсорсинг, антропологическая практика, социальная практика, гражданская идентичность, гражданская субъектность.

Краудсорсинг (буквально – «использование ресурсов мудрой толпы») в политической сфере представляет собой практику вовлечения граждан в процесс решения проблем государственного и муниципального управления. Наиболее распространенными формами политического краудсорсинга являются: общественное обсуждение законопроектов и государственных инициатив, общественная экспертиза управленческих решений; определение проблем общественного развития и сбор идей, направленных на их решение; общественный контроль и оценка эффективности деятельности власти, качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

Необходимо отметить принципиальную особенность методологии исследования краудсорсинга в России: в отечественной науке преобладает *технократический подход*. В рамках данного подхода политический краудсорсинг представлен как:

– новый *метод* политического управления в условиях сетевого общества, сетевая *технология* политической мобилизации, обеспечивающая политическое участие граждан, *технология* формирования активного политического сообщества и обеспечения прозрачности процесса принятия политических решений (А.В. Курочкин);

– новая *интернет-технология* в государственном управлении, *инструмент* вовлечения людей в процессы разработки государственных решений и общественного контроля, *инструмент* развития взаимодействия власти и общества (Д.В. Масланов, Е.В. Масланов, И.С. Подсеваткин);

– *механизм* реализации электронной демократии (И.В. Мирошниченко);

– *способ* организации множества людей, который позволяет приблизиться к прямой демократии (А. Малых);

– коммуникационная *политтехнология, технология* политического проектного менеджмента (С.А. Панкратов, С.В. Шакарбиева);

– *метод* организации обратной связи между различными политическими, экономическими, общественными и научными акторами, оптимизации политической коммуникации между властью и обществом (Д.В. Акаев).

В целом, технократический подход сводит политический краудсорсинг к методу, инструменту, способу управления и

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-33-01057 «Социальный серфинг: форсайт гражданской субъектности российской молодежи».

т.д., то есть к некоторой управленческой технологии, в основании которой, в конечном итоге, лежит субъект-объектное отношение управляющего и управляемого: это означает, что в этой модели институтам государственной власти отводится ведущая роль, они конституируют процесс, стремятся нормативно очертить его, сводя отношения в системе «власть – общество» к управленческому воздействию и реализуя мобилизационный, централизованный тип политического краудсорсинга.

Анализ актуального состояния политического краудсорсинга в России показывает, что подобная теоретическая установка отражает реальные особенности, присущие российским крауд-проектам в сфере политики.

Большинство общенациональных краудсорсинговых площадок не являются проектами институтов гражданского общества, но вписаны в систему государственного управления, что обуславливает возможное превращение «официальных» проектов в декларативные и имитационные, в противовес развитию гражданской инициативы. Например, проект «Открытое правительство» (open.gov.ru) запущен и поддерживается институтом Президента РФ, федеральной и региональной исполнительной властью; создание крауд-платформы «Российская общественная инициатива» (roi.ru) инициировано Указом Президента Российской Федерации[2]; общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов осуществляется на Федеральном портале (regulation.gov.ru). Вместе с тем, некоторые крауд-проекты закрываются, не найдя поддержки и интереса со стороны государственных служащих и экспертов, как это произошло с «ГосБук» (gosbook.ru), Единым порталом электронной демократии РФ (e-democratia.ru); часть – перепрофилируются, трансформируются в информационные порталы, занимающиеся, например, правовым просвещением граждан («GosDiscuss.ru. Закон и право»). Гражданская же инициатива в основном реализуется на уровне петиционной активности на таких платформах, как «Сердитый гражданин» (angrycitizen.ru), «Демократор» (democrator.ru), «Change.org» (change.org) и др. Однако зачастую коллективное обращение лишь актуализирует проблемы, не гарантируя их решения органами власти.

Исключительной чертой политического краудсорсинга в России является иерархичность, выраженная в решающем влиянии властного центра на этапе отбора сформированных предложений. Так, в течение первого года работы проекта «Российская общественная инициатива» было принято 7 инициатив, из которых 5 не прошли порога в 100 тыс. голосов; при этом 2 проекта, легко преодолевшие этот барьер, были отклонены экспертами[3]. Игнорирование органами власти общественных инициатив, получивших поддержку граждан, ставит под сомнение необходимость существования краудсорсинг-площадок, дискредитирует технологию политического краудсорсинга[4].

«Вертикальный» характер российского крауд-проектирования сопряжен с качественными особенностями самой «умной толпы» и с теми условиями, которые созданы для ее формирования.

Следует отметить региональное неравенство, неравномерность в развитии политического краудсорсинга в России. Так, например, «Моя поликлиника» – первый краудсорсинговый проект г. Екатеринбург, запущенный в 2016 г. администрацией города и Управлением здравоохранения, собрал предложения граждан по улучшению работы детских и взрослых поликлиник города на официальном городском портале[5]. Несмотря на то, что проект является результативным (по его итогам принят и реализуется «Организационный стандарт работы амбулаторно-поликлинических подразделений муниципальных учреждений здравоохранения МО «Город Екатеринбург»), можно констатировать низкий уровень вовлеченности граждан: участие приняло менее 0,3% населения города-миллионника. В свою очередь, в работу аналогичного проекта Правительства Москвы в 2015 г. было вовлечено более 58 тыс. жителей столицы (порядка 5% населения)[6]. Кроме того, если в Москве за

[2] Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года N 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива».

[3] «Российская общественная инициатива». URL: https://www.roi.ru

[4] См., например, инициативу о введении ответственности за игнорирование общественных инициатив портала «РОИ». URL: https://www.roi.ru/32612

[5] «Моя поликлиника». URL: https://екатеринбург.рф/жителям/здоровье/моя_поликлиника

[6] «Московские поликлиники». URL: https://crowd.mos.ru/archive?id=clinics

май 2017 года только на одной площадке («Активный гражданин») успешно завершили свою работу 7 проектов[7], то в Екатеринбурге в 2016–2017 гг. реализуется лишь 3 крауд-проекта («Городской контроль», «Моя поликлиника» и «Стратегия пространственного развития Екатеринбурга 2030»); еще один проект администрации города «Я предлагаю» (ekburg.ru/проекты/suggest) фактически прекратил свое существование.

Как создание, так и участие в краудсорсинговых проектах оказывается доступным не для всех ввиду невысокой информационной грамотности населения, ограниченного числа пользователей Интернет: на 2016–2017 гг. ими является только 71%. При этом наиболее активные пользователи – россияне в возрасте от 18 до 24, а наименее – старше 45[8]. Таким образом, практика политического краудсорсинга в России «технически» остается уделом молодежи. При этом существенной проблемой остается низкая активность в вопросах популяризации, информационной поддержки политического краудсорсинга, мотивации и подготовки граждан к участию в крауд-проектах.

Асимметричность в развитии политического краудсорсинга в России проявляется и в том, что отечественные крауд-проекты в основном касаются повседневных нужд жителей города, региона и направлены на решение локальных проблем: совершенствование качества городской среды, здравоохранение, образование, досуг, инфраструктура, зоозащита[9]. При этом общественная дискуссия в системе отношений «власть – гражданское общество» о перспективах, будущем государства и долгосрочной стратегии развития страны не выстраивается.

Именно в этой связи, на наш взгляд, *в политической сфере современного российского общества диффузия крауд-практик остается недостаточной*. Между тем, именно политический краудсорсинг отвечает запросу граждан на эффективное государство.

Если мы обратимся к зарубежному опыту, то увидим, что масштабные крауд-проекты в политической сфере весьма эффективны. Несмотря на то, что многие проекты (так же, как и у нас) поддерживаются государством, сам порядок их реализации отличается от российского – во многом благодаря преодолению указанных выше проблем. Наиболее репрезентативным является опыт Исландии, где в 2011 Комитет по разработке Конституции обратился к гражданам через страницу социальной сети с приглашением к участию в подготовке и обсуждении текста Основного Закона государства. Всего от граждан поступило 3600 комментариев к работе Комитета и 370 поправок[10]. Отметим, что согласно Internet World Stats доступ к сети Интернет имели более 85% населения страны[11]. Проект получил мощную информационную поддержку через Twitter, Youtube и Flickr. В результате на исландском всенародном референдуме 23 октября 2012 проект Конституции одобрили более 80% голосующих при явке в 66% [12].

В Британии проект Note My Vote (notemyvote.co.uk) позволяет гражданам выразить позицию по законопроектам, прежде чем они попадают на обсуждение в парламент. Одним из первых вопросов, вынесенных на общественное обсуждение, стало выяснение отношения граждан к предстоящему референдуму о членстве Великобритании в ЕС.

Также, согласно закону от 2012 года, гражданин Финляндии может при помощи краудсорсинговой системы Open Ministry *(openministry.info) создать собственный законопроект***,** который обязательно будет представлен на голосование в парламент, если наберет за полгода 50 тысяч подписей[13].

Анализируя успешный опыт реализации крауд-проектов, можно сделать вывод, что в таких случаях политический краудсорсинг предполагает отказ от субъект-объектной связи, устанавливает субъект-субъектные отношения между участниками, опирается на свободное деятельное отношение граж-

[7] «Активный гражданин».URL: https://ag.mos.ru/results
[8] «Развитие Интернета в регионах России». URL: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016#auditorijainternetairezervyrosta
[9] См. примеры успешных петиций на платформе «Демократор». URL: https://democrator.ru/about/
[10] Politikus.ru. URL: http://politikus.ru/events/45155-tihaya-revolyuciya-v-islandii-molchanie-mirovyh-smi.html
[11] Internet World Stats. Usage and Population Statistics. URL: http://www.internetworldstats.com/euro/is.htm
[12] Там же
[13] Open Ministry. Crowdsourcing Legislation. URL: http://openministry.info

дан к происходящему, на их готовность и способность самостоятельно практиковать принятие управленческих решений.

В целом перспективы развития политического краудсорсинга в современной России видятся нами *в переходе от технократической методологии исследования политического краудсорсинга и соответствующей этому практики его реализации как управленческой технологии к развитию его как антропологической и социальной практики.*

Актуальность подобного перехода обуславливается не только отсутствием аналогичных исследований как в отечественном, так и в зарубежном обществознании и человекознании, но и в смещении акцентов с конституирующей (директивной) на практикующую установку в ходе реализации политических крауд-активностей. Все это позволяет не только констатировать слабые, тонкие места в структуре теоретизирования и реализации крауд-практик, но и обнаружить возможные пути реальной интеграции крауд-практик в жизнь гражданина и государства.

Прежде всего, такой переход требует теоретико-методологического обоснования через обращение к концепту «практика», разрабатываемому новой антропологией и современной социальной философией.

Так, новая антропология все чаще обращается к понятию «антропологическая практика», не предписывающему человеку «готовую» сущность, но отсылающему нас к идее процессуальности, трансформативности человеческого существования. Данное понятие определяется в рамках философско-антропологического подхода через обращение к идеям саморазвития, самообразования и самопреобразования, автономии и самодетерминации личности, самодеятельности, самостояния и управления жизненными траекториями [4, 5, 6].

В целом понятие «антропопрактика» восходит к концептам «заботы о себе» и «практик себя» М. Фуко. В «заботе о себе» М. Фуко видит определенный образ действий субъекта, в ходе которого он преобразует (transforme) и преображает (transfigure) себя [7]. Позднее, определяя понятие «практики себя», он, как показывает С.С. Хоружий, раскрывает их как намеренные и отрефлектированные практики, посредством которых люди не только устанавливают для себя правила поведения, но и стремятся преобразовать самих себя, сделать свою жизнь собственным произведением [8]. Целью, намеренностью такой трансформации является проектирование личностью собственной идентичности.

Политический краудсорсинг как антропопрактика есть обретение личностью гражданской идентичности – системы таких качеств, как самостоятельное, критическое мышление, способность обнаруживать социальные противоречия, социальные проблемы, формулировать их и находить решения, чувство сопричастности к проблемам общества, неравнодушие; принятие ответственности, готовность к гражданскому действию, инициирующему социальные изменения, способность к самоорганизации и ориентация на конструктивное, ненасильственное взаимодействие с другими. Философско-антропологический анализ позволяет обнаружить такое значимое условие развития политического краудсорсинга в России, как практическое превращение гражданина de jure в гражданина de facto, в автора гражданской идентичности.

Обращение к социально-философскому анализу феномена политического краудсорсинга требует рассматривать его и в качестве социальной практики. Определяя это понятие, В.Е. Кемеров отмечает, что «практиковать – значит осуществлять определенный способ воспроизводства, концентрации, умножения или обновления человеческих сил» [2, с. 546]. Политический краудсорсинг как социальная практика – это не инструмент, не прикладная технология, но логика выстраивания отношений между людьми, естественным образом вырастающая из процесса их взаимодействия. Краудсорсинг собирает индивидов и соорганизует их; таким образом создается свое социальное пространство, новые социальные места, залегающие в плоскости города или виртуальности.

Опираясь на прозорливые идеи «публичной сферы» Ю. Хабермаса [9] и «общественности» Г. Блумера [1] (авторы говорят о формировании ассоциациями граждан некоторого пространства реализации практик, направленных на поиск решений актуальных социально-политических проблем), а также руководствуясь методологическими установками Р. Хицлера [10], Дж. Ло [3], выделим следующие особенности социального практикования политического краудсорсинга:

1. Формы взаимодействия основаны на принципах свободного сцепления индивидов и открытости, проницаемости краудсорсинговых сообществ.

2. Горизонтальная организация социального пространства практики – вместо иерархического (вертикального) устройства традиционных политических институтов.

3. Готовность индивида интенсифицировать свое самосознание в контексте общественной проблематики, соизмерять идею с интересами сообщества, воспринимать и совместно переживать политические вызовы среды.

4. Вместо использования предсказуемой функциональности официальных институтов пересобираемое сообщество вынуждено само творить свое действие.

5. Присваивающий характер практики, преодоление негативных аспектов отчуждения: индивид получает разделяемый с другими, но при этом персонализированный канал усиления собственного статуса и социального признания инициатив, позволяющий завладеть материальными и нематериальными благами, инструментами управления ими. В ходе практикования политического краудсорсинга гражданская субъектность выступает как альтерация институциональных процессов: индивид берет на себя функцию институции за счет кооперации силы традиционных нормативов, актуальных общественных потребностей и своего собственного инноваторского потенциала, и аккумулирует совместно с другими ресурсы для достижения требуемого общественно значимого результата.

Здесь следует привести значимый для нас вывод: обращение к концепту антропопрактики позволяет нам увидеть за политическим краудсорсингом гражданскую идентичность, социально-философский же анализ дает нам возможность в социальных практиках обнаруживать гражданскую субъектность краудсорсера. Гражданская идентичность как система личностных качеств гражданина и гражданская субъектность как переход к их воплощению в деятельности, практической реализации, готовность выбирать способ проживания действительности, конструктивное обживание пространства создают эффективного гражданина, способного повлиять на настоящее и будущее России.

Проект превращения политического краудсорсинга в антропологический и социальный тренд предполагает:

– во-первых, возникновение класса инноваторов: виртуальных сообществ, объединяющих граждан, способных к самоуправлению и сотрудничеству, заинтересованных в реализации тренда, и project-менеджеров в системе государственного и муниципального управления, запускающих и поддерживающих тренд;

– во-вторых, преобразование гражданской идентичности современных россиян: переход от латентной (непроявленной, скрытой) гражданской идентичности к гражданской субъектности, приобретающий не эпизодический, случайный, но массовый характер, становящийся типичным и реализуемым в повседневной жизни людей в национальном масштабе;

– в-третьих, институционализацию изменений: признание виртуализации, диалогичности, деиерархиезации и дебюрократизации нормой взаимодействия власти и общества.

1. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 168–215.

2. Кемеров В.Е. Практика // Современный философский словарь / под общей ред. д.ф.н., профессора В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004. С. 544–547.

3. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006. С. 30–42.

4. Розин В.М. Понятие и типы антропопрактик // Человек.RU. 2017. № 12. С. 13–33. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27810500_11004922.pdf (дата обращения: 30.04.2017).

5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И.Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах. М.: Издательство ПСТГУ, 2013. URL: http://www.koob.ru/slobodchikov/psy_human_education (дата обращения: 15.05.2017).

6. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. 438 с.

7. Фуко М. История сексуальности-III: забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

8. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.

9. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge Massachusetts: The MIT Press, 1991. 301 p.

10. Hitzler R., Niederbacher A. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute. Wiesbaden: VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2010. 312 p.

References

1. Blumer G. (1994) Kollektivnoe povedenie // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 168–215 [in Rus].

2. Kemerov V. E. Praktika (2004) // Sovremennyj filosofskij slovar. Moscow, Akademicheskij Proekt, pp. 544–547 [in Rus].

3. Lo J. (2006) *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 5, no 1, pp. 30–42 [in Rus].

4. Rozin V.M. (2017) *Chelovek.RU*, no 12, pp. 13-33, available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27810500_11004922.pdf (accessed 30.04.2017) [in Rus].

5. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. (2013) Psihologija obrazovanija cheloveka: Stanovlenie subiektnosti v obrazovatel'nyh. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, available at: http://www.koob.ru/slobodchikov/psy_human_education (accessed 15.05.2017) [in Rus].

6. Smirnov S.A. (2016) Antropologicheskij navigator. K sobytijnoj ontologii cheloveka. Novosibirsk, OOO «Ofset-TM», 438 p. [in Rus].

7. Foucault P.-M. (1998) Istorija seksual'nosti-III: Zabota o sebe. Kiev, Duh i litera, Grunt; Moscow, Refl-buk, 288 p. [in Rus].

8. Horuzhij S.S. (2010) Fonar' Diogena. Kriticheskaja retrospektiva evropejskoj antropologii. Moscow, In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 688 p. [in Rus].

9. Habermas J. (1991) The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge Massachusetts, The MIT Press, 301 p. [in Eng].

10. Hitzler R., Niederbacher A. (2010) Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute. Wiesbaden: VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 312 p. [in Germ].

UDC 323.21

PRACTICE OF POLITICAL CROWDSOURCING: PHILOSOPHICAL–ANTHROPOLOGICAL AND SOCIAL–PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Gorbunova Yulia Aleksandrovna,
Ural State Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy and Acmeology,
Cand. Sc. (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.
e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru

Simonova Irina Aleksandrovna,
Ural State Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy and Acmeology,
Cand. Sc. (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.
e-mail: luboe05@mail.ru

Annotation
The article justifies the necessity of transition from technological approach to methodology of anthropological and social practices when interpreting the phenomenon of political crowdsourcing. Political crowdsourcing is presented as a practice of forming civic identity and civic subjectivity which determines reconsideration of approaches to realizing crowd-projects in political space of modern Russia.

Key concepts:
political crowdsourcing,
anthropological practice,
social practice,
civic identity,
civic subjectivity.